

Несмотря на то, что Нин Цюянь вырос в прибрежном городе, он выходил в море всего дважды в жизни.

В детстве все время отнимала учеба и игра на гитаре, а поскольку семья жила небогато, возможностей прокатиться на популярные туристические острова поблизости почти не выпадало.

Один из этих двух раз закончился тем, что лодка перевернулась. К счастью, на них были спасательные жилеты. Лишь после того как их вытащили из воды, он узнал, что кто-то из пассажиров утонул. Труп, накрытый белой тканью, лежал на палубе совсем рядом с ним. Мать тогда крепко прижимала его к себе, а он прятался в ее объятиях, осмеливаясь подглядывать лишь одним глазком.

С тех пор он больше не приближался к морю и даже не подозревал, что страдает от морской болезни.

К счастью, несмотря на сильную качку от шторма, судно шло довольно уверенно.

Когда его растормошили, вырывая из полуобморочного состояния, Нин Цюянь всерьез решил, что умирает. Он даже в красках представил, как береговая охрана вытаскивает его тело на палубу — раздутое и обезображенное морской водой.

Дверь каюты была нараспашку, внутрь врывался ледяной ветер, а внутри никого не было.

Нин Цюянь сел, поплотнее стянув воротник, и выглянул в иллюминатор.

Небо по-прежнему было серым.

Ветер, казалось, постепенно стихал, а густые хлопья снега беззвучно падали в море, бесследно растворяясь, едва коснувшись поверхности воды.

Между серостью небес и темно-синей бездной вдруг вынырнул остров.

Вблизи холодные волны с грохотом разбивались о прибрежные рифы, а вдали виднелись неровные цепи холмов, у подножия которых угадывались очертания густого леса.

Они благополучно добрались до острова Ду.

— Готовься на выход, — дядя Пин возник в дверях каюты. — Люди с острова приехали тебя встретить.

— Хорошо, — слабо отозвался Нин Цюянь.

Одевшись и подхватив свои вещи, он вышел на палубу, выдохнув облачко белого пара в морозный воздух.

Они были уже недалеко от пирса. Отсюда можно было разглядеть припаркованные грузовик и легковушку, а также суетящиеся темные фигурки людей. На судне привезли много товаров, так что, вероятно, они пришли на разгрузку.

Корабль медленно вошел в гавань. Раздался лязг тяжелых металлических цепей, и дядя Пин сбросил трап, чтобы пассажиры могли сойти на берег.

Несколько морских птиц пролетели совсем низко, едва не задев мачту.

И тут кое-что случилось.

Стоило Нин Цюяню сделать первый шаг, как кто-то с силой врезался в его рюкзак. Потеряв равновесие, он, левой рукой сжимая футляр с гитарой, правой инстинктивно оперся о борт, чтобы не упасть.

Ладонь пронзила острая вспышка боли, и он не сдержал вскрика:

— Ах!

Из раны хлынула кровь, стекая по ладони и капая на палубу.

На белоснежном покрытии за считанные секунды образовалась небольшая кровавая лужица.

— Что происходит?! — рявкнул дядя Пин, увидев это. — Какого черта вы творите?!

Нин Цюянь покрылся холодным потом, от боли не в силах вымолвить ни слова.

Столкнувшийся с ним парень молчал. Скорее всего, он просто торопился сойти на берег и сделал это не нарочно, но сейчас просто застыл как вкопанный, не сводя глаз с кровоточащей раны. И он, и подоспевший дядя Пин вдруг резко переменились в лице — их выражения стали донельзя странными.

Повисла жутковатая, неестественная тишина, растянувшаяся секунд на десять.

Нин Цюянь с трудом подавил боль. Сцепив зубы и едва сдерживая слезы, он спросил:

— Дядя Пин, у вас есть чем остановить кровь?

Вопрос словно вырвал дядю Пина из оцепенения. Шок на его лице сменился нахмуренными бровями:

— Как можно быть таким неосторожным?

В его голосе звучал явный упрек.

Нин Цюянь ответил честно:

— Меня толкнули.

Парень все так же безмолвно стоял рядом. Ни объяснений, ни извинений.

Дядя Пин сказал:

— Спускайся на берег, на острове есть врач, он все обработает. — А затем, чеканя каждое слово, предупредил: — Запомни на будущее: не вздумай приезжать на остров с открытыми ранами.

Даже для случайных знакомых эти люди вели себя слишком хладнокровно и бездушно.

Нин Цюянь поверить не мог в такое отношение. Лишь когда он сошел на берег и кто-то поддержал его под локоть, он подумал, что на этом острове все же осталось хоть немного человечности.

Но не успел он отойти от пирса и пары шагов, как позади раздался шум. Обернувшись, он увидел, что дядя Пин одним мощным ударом повалил парня на землю. Тот скорчился от боли.

Тут же подскочили двое, подняли парня и грубо зашвырнули его в кузов грузовика.

Дверь с лязгом захлопнулась, и в этот момент парень посмотрел прямо на него. У Нин Цюяня ёкнуло сердце.

— Сяо Нин? — окликнул его кто-то.

Снег на острове Ду, похоже, выпал раньше, чем на материке.

Насколько хватало глаз, земля и ветви деревьев были укрыты тонким белым покрывалом, а дорога раскисла от грязи. На обочине стоял черный седан, сверкающий отполированным кузовом.

Возле машины стоял седовласый старик, который дружелюбно помахал Нин Цюяню рукой:

— Иди сюда.

Нин Цюянь негнушными ногами зашагал к нему.

Грузовик и седан премиум-класса.

Было совершенно очевидно, что на этом острове им с тем парнем уготован абсолютно разный прием.

По обеим сторонам дороги возвышались уходящие в небо пихты, припорошенные снегом. Дорога петляла, утопая в мрачной, непроглядной чаще леса.

Всё вокруг служило безмолвным предупреждением для чужаков: это частная территория, и здесь может случиться всё, что угодно.

Когда Нин Цюянь подошел, старик мягко перехватил его правую руку и осмотрел рану:

— Как же ты поранился? Ничего страшного, садись в машину. Приедем — пусть врач посмотрит.

Старик оказался местным дворецким, он представился дядей Каном.

Усадив Нин Цюяня в машину, дядя Кан на скорую руку перевязал ему рану носовым платком. Нин Цюянь почти не чувствовал боли — его мысли были заняты лишь тем, насколько же он оказался наивен, заявившись в одиночку на эту частную территорию.

В правовом государстве наручники просто так не применяют.

Когда парень сопротивлялся, одеяло соскользнуло с его плеч, и Нин Цюянь успел заметить холодный металлический блеск на его запястьях. За всю свою жизнь Нин Цюянь впервые вживую увидел на ком-то наручники. И это явно было стопроцентно незаконно.

Из тех долгих четырех часов, что они провели на корабле, добрую половину времени дядя Пин отсутствовал в каюте. Если парня держали силой или удерживали незаконно, у него была уйма возможностей попросить Нин Цюяня о помощи, но он этого не сделал.

У подобной ситуации было лишь два возможных объяснения. Первое: парень был нем.

Ладно, звучит маловероятно, но Нин Цюянь придерживался мысли: «Теория так себе, но исключать нельзя, иначе почему он вел себя так грубо?».

И второе: просить Нин Цюяня о помощи не имело смысла, потому что, в некотором роде, они находились в одинаковом положении.

Нин Цюяня охватила тревога.

Если он сейчас решит повернуть назад, будет уже слишком поздно.

— Ты тихий ребенок, — внезапно нарушил тишину хриловатый старческий голос.

Нин Цюянь вздрогнул, вынырнув из своих мыслей, и повернул голову.

Они ехали по лесу уже больше двадцати минут. Где-то на полпути он заметил, как грузовик, ехавший позади них, свернул на боковую дорогу и исчез из виду.

Дядя Кан поймал его взгляд и мягко спросил:

— Впервые на острове? Непривычно?

Нин Цюянь невнятно угукнул.

Дядя Кан снова спросил:

— На острове очень красиво, правда?

И тут было действительно красиво. Они уже выехали из леса и сейчас преодолевали невысокий холм. Серо-зеленый мох, припорошенная снегом дикая степь — это была не привычная глянцевая красота, а первозданная, нетронутая человеком прелесть самой природы.

— Остров большой. Дом господина Гуаня находится на самом севере, так что ехать еще прилично, — сказал ему дядя Кан. — На острове давненько не появлялось новых людей, так что все наверняка будут обращать на тебя внимание. Но они лишь посмотрят, лезть с разговорами никто не станет, так что можешь не волноваться.

Нин Цюянь низко натянул вязаную шапку. То ли от морской болезни, то ли еще от чего, но его лицо было бледным, отчего темные зрачки казались еще чернее. Он спросил:

— Мне нужно будет сдать кровь сегодня?

Дядя Кан ответил:

— К чему такая спешка. Тебя изрядно помотало в море, ты наверняка проголодался. Я распорядился приготовить для тебя обед, а сразу после еды сдавать кровь нельзя. К тому же сегодня ты поранился, так что процедуру можно отложить до завтра.

Нин Цюянь опустил веки:

— Я не голоден. И мне не нужен отдых.

Дядя Кан усмехнулся:

— Даже так, домой ты сможешь вернуться только в понедельник. Так что лучше отдохни, тебе нужно как следует восстановиться.

Нин Цюянь промолчал.

Так было прописано в контракте, и возразить ему было нечего.

— Мальчик мой, тебе пришлось несладко, — вдруг произнес дядя Кан.

Нин Цюянь поднял глаза, в которых читалась настороженность, свойственная его возрасту — он еще не научился ее скрывать.

— У господина Гуаня особый случай. Повседневная жизнь доноров постоянно меняется, и даже малейшие отклонения могут сделать кровь непригодной. Поэтому каждый раз перед забором крови профессиональный врач должен взять анализы и оценить твоё состояние. Вот почему нам приходится доставлять тебе столько неудобств, заставляя лично приезжать на остров, — мягко объяснил дядя Кан. — В такую погоду море наверняка было не слишком приветливым, да?

Заботливые слова дяди Кана вызвали у Нин Цюяня легкое замешательство и напомнили ему о собственном дедушке.

Страх немного отступил.

Дядя Кан похлопал его по здоровой руке:

— Спасибо, что приехал на остров Ду.

В конце концов они остановились у подножия горы, возле огромного белого особняка.

Здание занимало колоссальную территорию — Нин Цюянь даже не мог оценить его истинные размеры, как не мог и определить архитектурный стиль. Казалось лишь, что постройка очень старая. Настолько старая, что местами штукатурка на внешних стенах облупилась, придавая зданию слегка запущенный вид. И это при том, что владелец дома явно не испытывал недостатка в средствах на ремонт.

Перед особняком располагался круглый фонтан. Вода в нем не била, а каменные бортики были присыпаны тонким слоем снега.

Выйдя из машины вслед за дядей Каном, он пересек увядший газон, прошел по длинному деревянному настилу и вошел внутрь.

Навстречу им поспешил слуга, чтобы забрать верхнюю одежду. Нин Цюянь отказался, остановился в прихожей и заглянул внутрь.

Как же темно.

Таким было первое впечатление Нин Цюяня от этого дома.

На улице и так стоял пасмурный день, но внутри было еще темнее.

В центре холла горел камин, наполняя помещение теплом. Казалось, это совершенно иной мир, резко контрастирующий с ледяной стужей снаружи. Вот только все шторы были плотно задернуты, так что ни единого сквозняка, ни единого лучика света не могло проникнуть внутрь.

От прихожей тянулся длинный коридор. Настенные бра излучали мягкое оранжевое сияние, которое вместе со светом тусклой люстры составляло единственное освещение.

Если бы Нин Цюянь не вошел сюда только что с улицы, он бы решил, что сейчас не день, а глубокая ночь.

Разве такая обстановка подходит для больного человека?

Все присутствующие передвигались почти бесшумно.

Кто-то подошел и шепотом о чем-то спросил дядю Кана, после чего тот повернулся к Нин Цюяню:

— Я провожу тебя в твою комнату, чтобы ты мог отдохнуть. Врач сейчас подойдет. Еду тебе тоже принесут в комнату, а вечером поужинаешь в столовой.

Нин Цюянь согласился.

Он и сам не горел желанием задерживаться в столь гнетущей обстановке. Тем более что дядя Кан оказался прав: он чувствовал на себе множество чужих взглядов, от которых по спине бежали мурашки.

Видимо, на острове и впрямь давно не было гостей.

— Следуй за мной, — произнес дядя Кан.

Они пересекли погруженный в полумрак холл, поднялись на такой же сумрачный второй этаж, миновали несколько подсобных помещений и прошли по еще одному бесконечно длинному коридору, пока наконец не оказались перед дверью комнаты, отведенной Нин Цюяню.

Он совершенно не запомнил дорогу, пребывая в какой-то прострации. Особняк казался огромным лабиринтом, в котором было невозможно сориентироваться.

— Когда я оказался здесь впервые, я тоже заблудился. — Открыв дверь, дядя Кан указал на висящий на стене колокольчик. — Если захочешь прогуляться, позвони, и к тебе пришлют провожатого. Конечно, если предпочитаешь бродить в одиночестве — пожалуйста. Можешь ходить где угодно на первом и втором этажах. Единственное правило — не поднимайся выше. Третий этаж — личные покои господина Гуаня, и он не любит, когда его беспокоят.

В комнате было все необходимое, в том числе и отдельная ванная. С такими удобствами Нин Цюянь вполне мог бы просидеть здесь безвылазно все выходные.

Следом за ними кто-то занес багаж Нин Цюяня.

Когда футляр с гитарой начали опускать на пол, Нин Цюянь не выдержал:

— Пожалуйста, осторожнее!

Человек бережно опустил футляр.

— Спасибо, — добавил Нин Цюянь.

Перед уходом дядя Кан изящно напомнил:

— Здесь есть все, что может понадобиться. В следующий раз можешь не брать с собой столько вещей. Господин Гуань весьма щедр.

«Есть все, что может понадобиться»? Что это значит?

Нин Цюянь не понял, но в конце концов не выдержал и окликнул уходящего старика:

— Дедушка Кан, а тот парень, что приехал со мной... Он тоже будет жить здесь?

Услышав такое обращение, дядя Кан ничуть не изменился в лице, лишь ответил еще более

дружелюбным тоном:

— Нет, он будет жить не здесь.

— Тогда зачем он прибыл на остров? Он сделал что-то не так? — продолжал допытываться Нин Цюянь.

Дядя Кан с улыбкой вышел за дверь, так и не ответив на вопрос, который Нин Цюяню не следовало задавать.

Нин Цюянь остался в комнате один.

Ковер под ногами был невероятно мягким, как и белоснежное постельное белье. На прикроватной тумбочке стояла ваза со свежими мелкими желтыми цветами — видимо, в знак приветствия гостя.

Сняв куртку, ботинки и шапку, Нин Цюянь подошел к окну.

Какое же странное место.

Даже в гостевой спальне шторы были плотно задернуты, не оставляя ни малейшей щелочки.

Он раздвинул тяжелые, свисающие от самого потолка портьеры и выглянул сквозь прозрачное, кристально чистое стекло.

Позади особняка раскинулось бледно-голубое озеро, на водной глади которого покачивалась маленькая лодочка. А на противоположном берегу возвышалась непрерывная горная цепь.

Постояв немного, погруженный в это тихое, дышащее одиночеством великолепие, Нин Цюянь достал телефон.

Возле шкалы сигнала сети горел восклицательный знак.

Похоже, теперь он был официально отрезан от внешнего мира.

<http://bllate.org/book/17881/1710680>